

Лули Тан Цу

МНОГОЖЕНЕЦ
ИДЕАЛЬНЫЙ ПРЕДАТЕЛЬ

Лули Тан

Многоженец Идеальный предатель

«Литнет»

2025

Тан Л.

Многоженец Идеальный предатель / Л. Тан — «Литнет», 2025

Я думала, что мой муж лучший из мужчин, пока не узнала, что я не единственная его жена. Даже не вторая... даже не третья... Двадцать лет безупречного брака оказались годами лжи и предательства. Теперь мне сорок и все, что я считала незыблемым и нерушимым рассыпалось в прах. Любовь оказалась ложью, счастье предательством. Мне предстоит начать новую жизнь. и я не знаю, где взять на это сил и как вернуть веру в себя.***

С фотографии на меня безусловно смотрел мой муж – Арсеньев Кирилл Васильевич. Вот только фамилия и отчество здесь были другими. Совпадало только имя. Я открыла страницу с пропиской, адрес не наш. Перелистнула и уставилась в штамп, не веря своим глазам. Зарегистрирован брак. Вот только не со мной – двадцать лет назад, а непонятно с кем и всего пять лет назад. И в другом городе. Дрожащими пальцами я стала листать паспорт. Дети. Двое. Две девочки. Одногодки. Двойня похоже! «Господи! Что происходит», – прошептала я, бросила паспорт на стол и выдернула ящик из стола с корнями. По полу рассыпались какие-то бумаги и среди них я обнаружила еще один паспорт. «Этого просто не может быть», – подумала я, хватая злосчастный документ. И снова – фотография мужа, но данные другие. Не совпадающие и с теми, что я только что видела. И снова зарегистрирован брак. Десять лет назад. И снова ребенок. Мальчик! История о предательстве и о том, как начать жизнь заново, когда кажется, что лучшие годы уже прошли. ✓# ХЭ для героини ✓# Измена ✓# Предательство ✓# Очень эмоционально ✓# Развитие характеров Иллюстратор - Лидия Апазиди

© Тан Л., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Авария	6
Глава 2. Красное на белом	15
Глава 3. В мире животных	19
Глава 4. Снег	23
Глава 5. Классика	26
Глава 6. Глинтвейн	30
Глава 7. Мужчины	32
Глава 8. Сломанная	35
Глава 9. Урок	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Глава 1. Авария

Что если скорая помощь нужна не человеку, не животному, а трубе с горячей водой? Прямо сейчас! Сию минуту!

Я трясущимися руками набрала номер мужа, будучи почти уверенной, что окажусь крайней в этой аварии, но обошлось.

Он только хмыкнул, сказал ждать и отбил звонок.

Когда появился сантехник, все мои стереотипы тут же получили свое подтверждение. Передо мной стоял огромный, грязнучий и вонючий мужичара, с ног до головы перепачканный какой-то гадостью.

Я машинально зажала нос двумя пальцами.

– Ой, да ладно! Не так уж и воняет, – он шагнул в квартиру, – где прорвало?

Я показала на дверь в ванную и только тяжело вздохнула, глядя на грязь от его ботинок на белоснежной плитке на полу.

– Кипяток говорите? – спросил он прежде, чем открыть дверь и недвусмысленно оглядел меня с ног до головы так, что мне даже стало неловко, будто я в неглиже перед ним стою.

Я кивнула хотя ничего про кипяток, вроде как, не говорила, и только успела отметить, что со всем его образом как-то не вяжется аккуратно постриженная борода.

Еще страннее смотрелись голубые глазища в обрамлении темных ресниц на этом перепачканном, я даже не хочу думать, чем перепачканном, лице, которые светятся будто два прожектора

Вонь от него стояла страшная. Я уж было подумала, что черт с ней с трубой, поскорее бы он уже ушел и унес эту вонь с собой.

– Давайте рассчитаемся, барышня, – объявил он уже минут через пятнадцать, когда справился с трубой.

– Сколько? – спросила я.

Когда он назвал цифру у меня даже немного округлились глаза.

– За срочность, – добавил он, видимо, отследив мою реакцию.

– Давайте я вам переведу. По номеру телефона или карты?

– Наличными, будьте добры.

– Это так принципиально? – возмутилась я, на самом деле оттого, что у меня попросту не было наличных.

Я вообще уже забыла, когда в последний раз расплачивалась не с карты.

Мужик только скривился на этот мой вопрос и ничего не ответил.

Я пошарила в сумочке, в другой, заглянула в кошелек, не соображая, где еще могут быть деньги. Зашла в кабинет мужа, огляделась, не особо на что-то рассчитывая открыла ящик стола.

В глаза бросился его паспорт. Мне показалось странным, что он без обложки. Я помню, что к документам мой муж – аккуратист до мозга костей, всегда относится бережно.

Я взяла паспорт, открыла и обмерла.

С фотографии на меня безусловно смотрел мой муж – Арсеньев Кирилл Васильевич. Вот только фамилия и отчество здесь были другими. Совпадало только имя.

Я открыла страницу с пропиской, адрес не наш. Перелистнула и уставилась в штамп, не веря своим глазам. Зарегистрирован брак. Вот только не со мной – двадцать лет назад, а непонятно с кем и всего пять лет назад. И в другом городе.

Дрожащими пальцами я стала листать паспорт. Дети. Двое. Две девочки. Одногодки. Двойня похоже!

«Господи! Что происходит», – прошептала я, бросила паспорт на стол и выдернула ящик из стола с корнями.

По полу рассыпались какие-то бумаги и среди них я обнаружила еще один паспорт.

«Этого просто не может быть», – подумала я, хватая злосчастный документ.

И снова – фотография мужа, но данные другие. Не совпадающие и с теми, что я только что видела. И снова зарегистрирован брак. Десять лет назад. И снова ребенок. Мальчик!

Я взяла оба паспорта в руки и вышла из кабинета уже напрочь забыв зачем вообще сюда сунулась.

Я как сомнамбула остановилась в прихожей, глянула на сантехника, на паспорта, снова на сантехника и, ничего не соображая пробормотала:

– Это как же так? Этого же попросту не может быть, я сплю что ли?

– Женщина, вы о чем вообще? – мужик смотрел на меня так, будто я тронулась умом.

Меня затошнило и тут же закружилась голова. Перед глазами поплыли темные пятна. Я выронила оба паспорта из рук и прислонилась спиной к стене. Коленки дрожали, казалось, я сейчас грохнусь.

По стеночке – по стеночке я сползла на пуфик в прихожей.

– Что за номер, барышня, вам настолько не хочется платить? – услышала я, но уже была не способна оценить шутку.

Я осела на пуфик в прихожей и зачем-то протянула паспорта мужа сантехнику, будто в поисках поддержки:

– Я не понимаю, как такое может быть, это же... это же мой муж...

Тот взял паспорт, глянул не очень понимая, о чем я вообще говорю.

– Ну, допустим, и что вас так расстроило?

– Фотография его, но все остальное... это какой-то другой человек.

– Ну, мало ли, что бывает, не стоит драматизировать, думаю, найдется какое-нибудь разумное объяснение. Вы себя как чувствуете? – спросил он.

– Дурно мне, – ответила я нисколько не лукавя, – кажется я схожу с ума, у него там, – я показала на паспорт, – другая семья, дети... я не могу поверить.

– Может, позвонить кому? Что-то мне не нравится, как вы выглядите.

Я распахнула глаза.

– Я не в том смысле, выглядите вы прекрасно... в смысле, черт, в общем бледная вы какая-то, зеленая почти. Может, скорую?

– Маме...

Я была не в силах подняться с места и продиктовала номер мамы. Он набрал со своего телефона и протянул мне.

– Мам, ты можешь ко мне приехать... да, прямо сейчас, пожалуйста, – пробормотала я, когда она взяла трубку.

Я отдала телефон, он убрал его в карман и глянул на меня, как мне показалось, с искренним сочувствием.

– Вас как зовут, простите?

– Дарья, а вас? – спросила я скорее из вежливости, нежели, потому что мне действительно было дело до того, как его зовут.

– Степан меня зовут. Вы не переживайте так сильно, я уверен всему найдется объяснение, не стоит плодить лишние сущности.

– Какие сущности? О чем вы?

– О том, что очень вы впечатлительная барышня, как я посмотрю, а может оказаться, что ситуация и выведенного яйца не стоит.

Я только отмахнулась. Что он там понимает?

– Давайте я вам помогу... – он протянул руку и помог мне подняться с пуфика.

Стоило только встать на ноги, как у меня снова закружилась голова. Да, что такое? Что со мной творится? Наверное, этот мужик прав по поводу моей впечатлительности.

Он довел меня до дивана в гостиной. Я села, откинулась на спинку и закрыла глаза.

Хлопнула входная дверь.

– Ну, и грязища... что здесь вообще произошло, – услышала я недовольный голос мужа.

Как всегда невозмутимый, собранный, он только дернул в удивлении бровью, когда вошел в гостиную и взглянул на открывшуюся картину:

– Что здесь происходит?

– Это ты мне скажи, что происходит, Кирилл, – подала я голос.

Кирилл глянул на меня, на сантехника, снова на меня, молча достал кошелек, отсчитал сколько сказал сантехник и протянул ему деньги. И только сейчас заметил паспорта, валяющиеся на полу.

– Зачем ты рылась у меня в столе? – спросил Кирилл и голос его даже не дрогнул.

Спросил он это так, будто только это сейчас и было важным.

Он сел на корточки, подобрал документы и спокойно убрал во внутренний карман пиджака.

– У тебя, наверное, много вопросов, Даша? – спросил он и в его голосе я не заметила и капли волнения.

– Только один, Кирилл. Что вообще происходит?

Кирилл закрыл за сантехником дверь и пошел в свой кабинет. Я поднялась с дивана и двинулась за ним, поражаясь его невозмутимости и безразличию.

Удивительно, но мое состояние куда больше волновало сантехника – чужого и незнакомого мужчину, чем моего мужа – родного, казалось бы, человека, с которым мы прожили двадцать лет.

Я чувствовала, как во мне закипает злость, перемешанная с негодованием и это хоть немного, но придало сил.

Он поднял с пола выдернутый мною ящик, пристроил его обратно в стол, собрал разбросанные бумаги, аккуратно все сложил и сел в кресло.

Кирилл расстегнул ворот рубашки, откинулся на спинку и глянул на меня. Я стояла перед ним, будто нашкодившая ученица перед директором школы.

Мой муж всегда был мало эмоциональным. Сейчас так вообще его лицо казалось каменным и непроницаемым.

Человек со стальными нервами, жесткий, не допускающий даже попыток влиять на себя ни в бизнесе, ни в семье.

Но со мной он всегда был мягок и сейчас, от этой холодной стали в его серых глазах мне было не по себе.

Будто это я что-то натворила, будто я в чем-то провинилась, словно мы сейчас будем обсуждать мою, а не его персону.

Я ожидала чего угодно: оправданий, увиливаний, даже пускай ругани, но только не этого холодного безразличия.

Он достал из кармана пиджака эти проклятые паспорта, положил на стол и сказал:

– Давай начнем с того, что это не все.

Кирилл наклонился, открыл сейф под столом и положил на стол еще два паспорта.

Это уже смахивало на какой сюр. Даже не заглядывая в эти два дополнительных паспорта, я уже знала, что там обнаружу – фотография Кирилла и непонятно чьи данные.

– Кирилл, это какое-то мошенничество? – спросила я, наконец, – необходимо для бизнеса? Нам это чем-то грозит?

– Первый вопрос, нет, Даша, это не мошенничество в том смысле, что ты имеешь в виду. Второй вопрос, нет для бизнеса это не нужно. Третий вопрос, нет это ничем никому не грозит

и тебе в том числе, но только если ты спокойно слушаешь и примешь, так сказать, новую реальность, – спокойно ответил он.

Только вот от этих ответов мне легче не стало.

– Что значит новую реальность?

Я устала стоять на ногах. Меня по-прежнему подташнивало от пережитых нервов, а в коленках осталась слабость. Я села на диванчик сбоку от его стола, закинула ногу на ногу и сложила руки на груди.

– О какой новой реальности ты говоришь, Кирилл?

Он немного подумал, потер рукой подбородок и выдал:

– Ты не единственная моя жена, Даша.

У меня подпрыгнуло сердце в груди и ухнуло куда-то в живот.

– Подожди... в каком смысле?..

– В прямом, – он показал на лежащие на столе паспорта, – у меня кроме тебя еще четыре жены, официально, если это можно так назвать, учитывая, что законом это запрещено, но, как ты видишь, закон при желании можно обойти.

– Кирилл, это розыгрыш какой-то?

Я надеялась, что он сейчас рассмеется, скажет – «да, это розыгрыш». Шутка вышла бы злая, но лучше так, чем поверить в то, что его слова – это правда.

– Нет, это не розыгрыш. Если тебя это как-то успокоит, ты была первой женой, я тебя по-прежнему люблю и даже сильнее, чем когда-либо, но реальность такова. У меня вместе с тобой пять жен, от всех есть дети и ничего менять здесь я не собираюсь. И скажу сразу, тебе лучше принять это как данность и жить как раньше. Ничего ни для кого не изменится. Повторю, я тебя как любил, так и люблю – то, что ты узнала ничего не меняет.

– Подожди... подожди, – я сглотнула застрявший в горле комок, – как это ничего не меняет, подожди... нет... это все-таки розыгрыш, это просто не может быть правдой...

– Даша, я похож на человека, который будет устраивать розыгрыши? – Кирилл убрал чертovy паспорта в сейф под столом.

– Но тогда выходит... – я не могла подобрать слов, я вообще не понимала, что говорить, что чувствовать и как мне сейчас быть.

Двадцать лет! Боже! Двадцать лет совместной жизни. Уже почти совершеннолетняя дочь, путь, который мы прошли рука об руку и, что? Все оказывается ложь?

Да не просто ложь, а совершенно не укладывающееся в голове, какое-то изощренное в своей жестокости предательство.

Я смотрела на Кирилла и не понимала, кто этот человек. Кто он на самом деле? Как его настоящее имя и фамилия? Какой из его паспортов, в конце концов настоящий?!

– Догадываюсь, о чем ты думаешь, – Кирилл ухмыльнулся, – настоящий паспорт тот, в котором ты моя жена. Настоящее имя и фамилия Арсеньев Кирилл. Все, что ты обо мне знаешь – все настоящее.

– Настоящее! – вырвалось из меня, – это ты называешь настоящим?!

Я вскочила на ноги.

– Так, успокойся, не стоит повышать голос, ничего смертельного не произошло, – он даже бровью не повел.

– Да, что ты несешь? Ты в своем уме? – я уже не могла сдерживаться, меня буквально разрывало на части, меня прорвало как эту проклятую трубу в ванной, и я готова была ошпарить его кипятком. – Если то, что ты говоришь правда, тогда ты попросту больной человек! Я не знаю, как это еще объяснить и как это понимать!

– Аккуратнее с выражениями, о своих словах можно и пожалеть, Даша...

Его голос резал меня ножом, его спокойствие добивало окончательно.

– Пожалеть? Ты думаешь теперь есть что-от еще о чем мне можно пожалеть?

– Поверь мне, есть...

– Пять жен! Да ты ненормальный! Да как это вообще устроить-то можно было?! Ты, что султан? Гарем себе завел? А я в этом гареме на каких правах, Кирилл? Любимой жены?

– Это, я думаю, самое точное определение.

Я заметила, что он едва заметно улыбнулся. И эта улыбка полностью лишила меня сил. Я села обратно, закрыла лицо руками и беззвучно заплакала.

– А дети, Кирилл, столько детей, как ты все это будешь объяснять нашей дочери? Как ты вообще со всем этим теперь дальше жить собираешься?

– Как жил, так и буду жить дальше. Послушай, Даша, если бы ты не полезла в стол и не нашла эти паспорта, ты так ничего бы и не узнала. Почему тебя заботит, как я с этим буду справляться? Справлялся же, отлично справлялся, и дальше буду справляться. У меня все под контролем, все шаги и поступки осознанные, я не делаю ничего, с чем бы не смог справиться. Сейчас есть только одна проблема – это ты и твоя истерика.

– Так я теперь проблема? Вот как?

– Ну, если не прекратишь истерику, да, проблема. Но думаю, это пройдет. Я понимаю, новость неожиданная, но взгляни уже на все как взрослый человек, что эта ругань решит? Что изменит? Скажу только то, что уже сказал, достаточно просто принять новую реальность и все у всех будет хорошо, я обещаю, все будет как раньше.

– Да, что ты такое несешь? Каким образом может быть как раньше? Что теперь может быть хорошо? Ты в своем уме?

– Может и не быть, здесь ты права, но поверь мне, это не лучший для тебя вариант. Еще раз, могу сказать по слогам, если ты с первого раза не понимаешь. Если хочешь, чтобы у тебя все было хорошо, просто прими происходящее как данность.

– Или что? Что будет? Что ты сделаешь, Кирилл? – я снова вскочила с места, подошла к столу оперлась о край руками и нависла над мужем.

– Узнаешь, но лучше все оставить как есть, и я больше не буду повторять одно и то же.

Он тоже поднялся на ноги и теперь смотрел на меня сверху вниз. От этого взгляда меня обдало таким ледяным холодом, что я невольно поёжилась.

– Ты позволишь мне жить так как я привык жить, так я хочу жить и быть тем, кто я есть. А я, обещаю тебе, сделаю все, чтобы твоя жизнь ни на йоту не изменилась. Ни твоя, ни дочери.

– Дочери? Ты мне дочерью угрожаешь?

Мне хотелось вцепиться ему в рожу когтями и выпарапать глаза. Даже не знаю какие силы меня удерживали.

– Я не угрожаю, Даша. Я предупреждаю. Все, заканчивай этот балаган. У меня еще куча дел.

– Балаган?!

Я не выдержала и со всего размаха залепила ему пощечину. И тут же попятилась назад. Мой муж не из тех мужчин, с которыми такое позволительно, и я сейчас не представляла во что выльется его ярость.

– Что ж, – спокойно сказал он, поигрывая желваками на скулах, – ты делаешь неправильный выбор, Даша, и ты о нем пожалеешь. Я даю тебе еще один шанс. Подумай хорошенько. Я пока поеду загород. Наверное, тебе лучше побыть одной денек-другой. Как остынешь, позвонишь и мы все обсудим.

Это уже переходило все возможные границы. Я никогда бы не подумала, что могу раскрикаться настолько. Я снова замахнулось, но в этот раз он перехватил мою руку, больно сжав запястье.

– Мам! Пап! Вы чего, – услышала я голос дочери за спиной.

Я не слышала, как она вошла, и Кирилл не слышал. Картина получилась отвратная.

– Ну, давай, Кирилл, расскажи Насте чего мы тут и вправду! – я отошла от стола и скрестила руки на груди.

Он еще ничего не успел сказать, как следом за дочерью в кабинет вошла моя мама. Я уже и забыла, что звонила ей.

– Что случилось, Даша? Что у вас тут вообще происходит?

– Неля Аркадиевна пожаловала, – ухмыльнулся Кирилл, завидев мою маму.

Отношения у них всегда были натянуты. Не сказать, что анекдотичные, как это бывает между тещей и зятем, но близко.

Мама глянула на меня, на Кирилла, на Настю. Дочь только пожала плечами.

– Успокоились все, – тихо, но твердо произнес Кирилл и слушаем меня внимательно, два раза я объяснять не буду.

Я снова уселась на диван. Настя пристроилась рядом со мной, и только мама осталась стоять.

– В общем так, – начал Кирилл, – Даша и Настя, вы не единственная моя семья, если бы ты, Даша, – он показал на меня пальцем, – не лезла бы туда, куда лезть не нужно, вы никогда бы об этом не узнали, и все бы жили дальше, как и раньше – долго и счастливо. Но, что случилось, то случилось, тут уж ничего не поделать.

– Почему-то я не особенно удивлена, – мама скрестила руки на груди.

Дочь открыла рот, словно собиралась что-то сказать, да так и застыла. Видимо, не понимая, что происходит и как на это реагировать.

Кирилл, тем временем продолжил:

– Помимо вас у меня еще четыре семьи, четыре женщины и от каждой есть ребенок. От одной двое. На всех я женат официально, если так можно сказать, учитывая наше законодательство, где многоженство запрещено. Но, к счастью, или к несчастью, строгость законодательства компенсируется необязательностью его исполнения, – Кирилл ухмыльнулся, словно говорил о чем-то веселом.

– Что за бред ты несешь? – вмешалась мама, – как это может быть официально?

– Давайте без экспрессии, Неля Аркадиевна, что есть, то и несу. Пришлось оформить себе несколько личностей, это же очевидно, – ответил Кирилл так, будто это плевое дело и говорить тут не о чем.

– Тебя же посадят, Арсеньев, за подделку документов, ты это понимаешь? – Мама поправила очки на переносице.

– Мам! – перебила я ее, – ну, сейчас это что ли самое важное?

– И правда, – согласился Кирилл, – вот видишь, Даша, можешь ты быть рассудительной, когда захочешь. Надеюсь и дальше тебе рассудка хватит, чтобы правильно реагировать. Ты, Даша, была моей первой женой, если для тебя это важно, – продолжил Кирилл.

«Важно? Как он так спокойно может об этом говорить?», – неслось у меня в голове.

Меня поражало не столько его спокойствие, сколько то, что происходящее он считает нормой. Словно мы здесь все не в себе, а он говорит совершенно нормальные вещи.

– Так у меня пятеро братьев или сестер? – подала голос Настя.

– Два брата и три сестры, дочь, не перебивай, – ответил Кирилл. – Я люблю всех своих жен и всех своих детей – это факт номер раз. Я никого не брошу и ни от кого не уйду – это факт номер два. А вот о факте номер три, чуть подробнее.

Он на мгновение задумался, словно собираясь с мыслями.

– Я всегда считал, что роль мужчины в том, чтобы обеспечивать, чтобы устроить жизнь своих близких так, чтобы они ни в чем не нуждались, чтобы оставить после себя многочисленное и достойное потомство, но вместе с тем, я человек разумный и никогда не хотел превращать свою женщину в автомат по производству детей.

Кирилл потер пальцами виски, будто у него разболелась голова.

– Вместе с тем, такова уж моя природа, я способен искренне любить не одну, а несколько женщин. Наверное, мне не очень повезло родиться в наших широтах и в наше время, мое место где-нибудь на востоке и лет двести назад, но не роптать же мне было на судьбу, – Кирилл улыбнулся.

Ему будто доставляло удовольствие рассказывать все это. Он буквально любовался собой, а я не узнавала своего мужа. Человека, которого, казалось, знаю досконально.

Боже! Двадцать лет совместной жизни, а я, оказывается, вообще не знаю его, не знаю о нем ничего!

– Вы все знаете моего друга и партнера по бизнесу Константина, верно?

Никто ему ничего не ответил, понимая, что это не столько вопрос, сколько вступление к новой порции информации.

– Случилось так, что однажды, мы с тобой тогда только поженились, Даша, – бросил Кирилл мне, – я стал участником, так сказать, закрытого мужского клуба, куда меня привел Костя, участники которого не только разделяют мои взгляды на жизнь и на взаимоотношения между мужчинами и женщинами, но и делают все, чтобы помочь друг другу, если возникают какие-то сложности. Как, например, в моем случае – вопросы с документами.

– Все куда хуже, чем я думала, – хмыкнула мама, – пахивает сектой.

– Не говорите ерунды, Неля Аркадиевна, – небрежно бросил Кирилл, даже не глянув на нее.

– И, что? В этом клубе все многоженцы? – спросила мама.

– У всех по несколько семей да, мне не очень нравится это слово – многоженцы. Отдает каким-то пренебрежением, словно мы отщепенцы какие-то. На самом деле это общность сильных и достойных мужчин, где главное кредо – ты можешь иметь столько женщин и детей, сколько можешь не просто прокормить, а обеспечить достойную жизнь и достойное будущее.

– Ага, – усмехнулась мама, – сборище похотливых изменщиков и предателей!

– Неля Аркадиевна, ваше мнение по этому поводу меня интересует меньше всего. Но если вы уж так выражаетесь, скажите мне, как умудренная жизнью дама, много мужчин вы знаете, которые готово сделать все хотя бы для одной своей семьи?

Кирилл поднялся с места, отвернулся к окну и продолжил, стоя к нам спиной.

– Посмотрите вокруг, посмотрите на этих бедных заезженных женщин, которые тащат на себе все: и семью, и детей, и работу, и, зачастую – своих нерадивых мужей, которые только и способны, что сидеть на диване, тарашится в телевизор и пить пиво, отращивая пузо.

Мне показалось, или действительно его голос на этой фразе стал каким-то чересчур эпичным. Звучало как заученная речь.

– Каждый второй брак распадается, – продолжил Кирилл, – дети вырастают и, не успев получить образование, вынуждены работать, чтобы содержать себя вместо того, чтобы все время посвящать учебе. А я... а мы, мы те, кто считает, что ничего важнее, чем семья нет, ничего важнее детей нет и готовы костями лечь, чтобы всех обеспечить и вырастить достойных людей. Вы говорите секта?

Кирилл сел обратно за стол.

– Ну, пускай секта, если не можете пораскинуть мозгами. Но кто сказал, что это плохо? Условности общества? Какие-то общепринятые правила? Чушь это все. Всего лишь особенность времени и местности. Почему-то на востоке такое в порядке вещей, и никто не жалуется. Вот даже наш президент говорит, что нужно повышать демографию, так, что считайте, мы всеми силами воплощаем программу государства, – Кирилл хохотнул, так ему понравилась фигура речи.

– Ты больной, Арсеньев, – подытожила его слова мама, – и самое страшно, что не понимаешь этого. Намешал все в одну кучу. Султан чертов. Ради чего, по-твоему, люди вообще

женятся? Любовь, Арсеньев, только любовь и больше ничего. Семья, дети – это следствие, а не причина. А причина всегда только любовь.

Мама говорила, а у самой в глазах сверкали молнии. Казалось, что даже стекла очков не выдержат сейчас их блеска.

– И нельзя любить нескольких – это против природы, – продолжала она, – и не вздумай мне говорить о мужской полигамии. Ею всегда прикрываются кобели, не способные на настоящие чувства, неспособные держать свой член в узде. Остальные твои, как ты их называешь – «жены», знают об этом твоём извращении? Или ты только Дашу все эти годы в дурах держал?

– Одна знает, остальные нет, – ответил Кирилл и добавил, – теперь две знают, вместе с Дашей. Могу познакомить, кстати, – он глянул на меня вполне серьезно.

– Ты правда думаешь, что у нас все дальше будет как ни в чем ни бывало, Кирилл? Что я и правда познакомлюсь с одной из твоих шлюх и буду делать, что все происходящее – это нормально?

– Выбирай выражения! – процедил он сквозь зубы, – не смей так называть ни одну из моих жен.

– Я твою жена, черт тебя подери! Я! Понимаешь ты это? Не может быть двух жен, а тем более трех или пяти!

– Ну, как видишь, может, прекрати истерить, утомила уже, – Кирилл снова потер виски.

– Да и я тебе больше не жена! – я никак не могла успокоиться, да это было и невозможно, это развод Кирилл, других вариантов быть попросту не может!

– Что ж, такой вариант тоже возможен, но давай я тебе кое-что проясню.

Кирилл сложил руки на груди.

– Как я уже говорит, для меня в приоритете ваше благополучие. Никогда вы ни в чем ни нуждались и ничего не изменится, но только при одном условии, все не просто остается так есть, но никто больше ни слова не говорит по этому поводу.

Все-таки он нервничал, хоть и делал вид, что это не так. Он взял со стола карандаш и стал вертеть его, зажав между пальцами.

– Я уже устал повторять, но скажу еще раз, все будет, как и раньше, вы ничего не почувствуете, словно ничего и не было. Но если ты, Даша, собралась разрушить нашу семью – это твой выбор, и последствия этого выбора тебе придется разгребать самой. Ты останешься ровно с тем, что у тебя было до свадьбы, то есть вообще ни с чем. Более, того...

Кирилл глянул на дочь.

– Тебя, Настя, это тоже касается. Пока мы все вместе, пока мы семья, твое будущее обеспечено, но развод – это точка. Я не собираюсь вкладываться или тратить силы на людей, которые не разделяют мое мировоззрение. Либо вы обе живете по моим правилам, либо поступайте, как считаете нужным, но тогда рассчитывать можете только на себя. Все или ничего. Выбирайте.

Кирилл поднялся из-за стола, видимо считая, что разговор окончен. Настя вскочила с дивана:

– Пап! А как же мой университет?! Я же на поступлю туда сама. Пап! Это же Англия, где мы возьмем деньги?

Я видела, как у дочери задрожал подбородок, она была на грани и вот-вот расплачется.

– Настя, мы что-нибудь придумаем, – попыталась я ее успокоить и подошла, чтобы обнять?

Она тут же отскочила от меня как от прокаженной.

– Придумаем? Что придумаем, мама?!

С ней случилась настоящая истерика, она буквально орала на меня.

– У нас же ничего с тобой нет! Ты же нигде не работаешь, ты вообще работала когда-нибудь? Где мы будем жить? На какие шиши ты отправишь меня в Англию? Где ты возьмешь деньги, чтобы оплачивать обучение, о чем ты вообще?

– Так, Настя, – вмешалась мама, – что-то тебя не в ту степь понесло. На Англии свет клином, во-первых, не сошелся, а во-вторых, чтобы это за потребительское отношение? Придет время и тебе в любом случае нужно будет учиться самой себя обеспечивать, или ты всю жизнь собралась у родителей на шее сидеть?

– Да что ты понимаешь?! – взъерилась Настя на бабушку. – Ты то вообще здесь причем? Мама с папой сами разберутся, чего ты вообще лезешь?

Мама опешила от такого напора, мне пришлось заступиться:

– Настя, ты уже перебарщиваешь, убавь тон, не смей так разговаривать.

– Я говорю так как считаю нужным! Вы со своими разборками всю жизнь мне поломаете! Куда ты собралась, мама? Какой развод? Тебе сколько лет уже? Что ты делать будешь? Все правильно отец говорит, пусть все остается как есть, переживешь блин!

Я сглотнула комок, застрявший в горле. Меня буквально трясло. Как она смеет так со мной разговаривать? Чем я это заслужила?

– Я в любом случае останусь с отцом! – объявила Настя.

– Нет, Настя, так не получится, – вмешался Кирилл. – Либо семья остается в полном составе, либо не остается никто. Других вариантов нет. Я все сказал.

Он двинулся к выходу их кабинета, замер на мгновение в дверях, обернулся, словно задумавшись и подытожил весь этот разговор:

– Я буду в нашем загородном доме. Вам неделя на размышления. Через неделю я вернусь и хочу, чтобы здесь была такая атмосфера как была раньше. Никаких вопросов, никаких разговоров и выяснения отношений. Все спокойны, все счастливы и ни у кого никак проблем. Либо... я не хочу здесь видеть никого.

Глава 2. Красное на белом

Дверь за Кириллом закрылась, а мы смотрели втроем друг на друга, будто спрашивая: «И, что это вообще было?». Первой очнулась мама:

– Все, Даша, собирайся, нечего тебе здесь делать! Ничего себе ультиматумы... сколько живу, всякое повидала, но, чтобы такое, это просто ни в какие рамки не уместается.

– Постой... мам, куда собираться? – спросила я, не готовая сейчас к резким движениям.

– Как куда? Ко мне поедете, места всем хватит, прав был отец, когда строил большой дом. Хотя в чем-то не ошибся... хоть и того же поля ягода... – многозначительно добавила мама.

– Да, о чем вы вообще? – подала голос Настя. – Куда к тебе, ба? В Подмосковье это долбанное?

– Настя... слова выбирай, – попыталась я уговорить дочь.

– Хватит мне уже рот затыкать! Я никуда отсюда не поеду, и ты, мам, тоже не поедешь, мы остаемся и будем делать как отец сказал.

– Ну, это не тебе решать, Настя, – у меня уже не было никаких сил спорить, мне даже говорить было сложно, но дочь не унималась. Она села на диван и закрыла лицо руками.

Я смотрела на свою уже такую взрослую семнадцатилетнюю дочь и сердце кровью обливалось. У нее задрожали плечи, она всхлипнула и разрыдалась.

– Настя, все образумится, мы придумаем что-нибудь, – я подошла к ней, села рядом и попыталась обнять.

Она дернула плечом, вскочила и чуть ли не закричала:

– Почему вам нейдет?! Лет уже под сраку, ведете себя как дети неразумные! Почему ваши проблемы должны на мне сказываться, почему я вообще должна об этом думать, мне больше заняться нечем?

Она буквально метала в нас молнии.

– Что мы придумаем, мама? Ничего не образумится. Ты не слышала отца что ли? Ты что ли будешь мое обучение оплачивать? Два года я готовилась, чтобы из-за твоих принципов все рухнуло к чертям, потому что у тебя там, что гордость заиграла? А ты, ба... ты вообще куда лезешь? Ты же вообще ничего не соображаешь, езжай лучше за грядками своими следи!

– Ты ротик прикрой, Настя, слишком много на себя берешь! – не выдержала мама. – Молоко еще на губах не обсохло, чтобы так разговаривать.

– Да пошли вы обе! – рявкнула Настя и рванула из кабинета.

Громыкнула дверь, да так, что штукатурка чуть не осыпалась.

Настя у меня, конечно, девочка своенравная и вспыльчивая, но даже для нее это было немного чересчур.

– Запустила ты ее, – мама покачала головой, – избаловала. Если бы я своим родителям что-то подобное сказала... даже не знаю, чтобы было...

– Мам, ну, не сравнивай, времена другие, дети другие, – попыталась я заступиться за дочь.

– Дело не во временах, или, может, ты скажешь, что в нынешние времена то, что сказал твой муженек – это тоже нормально?

– Мам, не нагнетай, пожалуйста, мне и так сейчас дурно, пожалей меня а?..

– А ты нюни не распускай. Возьми уже себя в руки. Я сколько раз тебе говорила, еще когда ты только собиралась за него замуж, что нужно получать образование, профессию, нужно быть готовой к тому, чтобы самой себя обеспечивать, нужно хоть какую-то базу для себя готовить... ты только отмахивалась от матери, и вот, пожалуйста, получите распишитесь...

Кровь стучала в висках так, что, казалось, у меня сейчас взорвется голова. Хотелось выгнать всех, чтобы хоть на минуту остаться в тишине и одиночестве. Мне нужно было срочно перевести дыхание и сообразить, что делать. Без давления дочери, без наставлений матери.

Но в покое меня оставлять сегодня, видимо, никто не собирался.

– Собирайся, Даша, поедem. Настя побесится, но смиритcя. Давай, двигайcя уже, соберем какие-то вещи на первое время.

Мама двинулась к выходу из кабинета и открыла дверь. Я так и сидела на диване не в силах подняться.

– Ну, чего сидишь? Поднимайся, – скомандовала она.

– Я не поеду, мам... Настя, наверное, права... я не знаю, но я не могу прямо сейчас все бросить, мне нужно подумать, понимаешь?

– Чего тут думать, дочь? У тебя хоть капля самоуважения есть? Он же тебя с грязью смешал. Такое попросту нельзя терпеть, а уж тем более прощать! – в ее голосе прорезались чуть ли не угрожающие нотки.

Сложно было с ней спорить. Что здесь скажешь? Прощение... самоуважение, звучит все достойно, конечно, но как это натянуть на эту проклятую реальность?

На что я жить буду? И здесь мама права, когда говорила, что нужно было думать еще тогда – в молодости, о том, чтобы была какая-то база, на которую можно опереться.

Но о чем тут было думать, когда такая любовь? Когда командует сердце, а не разум?

О чем я могла думать, когда, будучи двадцатилетней студенткой, не хватавшей с неба звезд и без высокого о себе мнения, попала в поле зрения Кирилла Арсеньева?

Всего на пять лет меня старше, но уже в этом возрасте такого основательного, серьезного даже, можно сказать мудрого, хотя какая может быть мудрость в двадцать пять лет? Но Кирилл был именно таким.

Блестящее образование, блестящий интеллект, настоящий красавец: плечистый, подтянутый, статный брюнет с пронзительными серыми глазами.

Немного брутальности, немного утонченности, превосходное воспитание и манеры, устоять было невозможно.

Я влюбилась в него как кошка и счастьем моему не было предела, казалось, что он меня полюбил еще сильнее, чем я его.

Он глаз с меня не сводил. Чуть ли не на руках носил. Как сейчас помню его слова: «Ты моя навсегда, я для тебя сделаю, что угодно, ты никогда ни в чем не будешь нуждаться, пока ты со мной».

Только сейчас, кажется, я поняла смысл вот этой добавочки, которая и тогда показалась мне странной – пока будешь со мной. Странное уточнение. Но в то время, опьяненная любовью, я не думала вообще ни о чем.

А теперь думать о чем-то, такое ощущение, что и вовсе поздно.

Я бросила университет и кинулась навстречу своему счастью.

У Кирилла слова с делом не расходились. Все свое время он посвящал работе и семье. А работал он как одержимый. Словно собирался заработать все деньги мира. Начав с небольшого предприятия, вскоре Кирилл уже управлял заводом по производству оптоволокна.

На тот момент еще толком никто не знал зачем это и, что это вообще такое. Но Кирилл умел смотреть в будущее.

Зато сейчас, когда его продукцию закупают все телекоммуникационные гиганты, можно только поражаться его дальновидности.

Одно меня только удручало, Кирилла часто и подолгу не было дома. Почти ежемесячные командировки. Зачастую за границу. Но, что я могла на это сказать, когда он души во мне не чаял? Когда я видела, как растет его бизнес, сколько времени ему приходится на все это тратить? Господи! какая же я дура...

Бывало, я задавалась вопросом, почему все именно так. Ведь кажется, чем больший ты начальник, чем больше у тебя денег, тем больше у тебя свободного времени. Но Кирилл, чем серьезнее масштабировался, тем меньше времени на семью у него оставалось.

Не помню в какой момент я стала считать нормальным, что его может не быть дома месяц, или два месяца к ряду. А то и более. Например, однажды он уехал в Индию на полгода. Мне было сказано, что строится совместное предприятие и ему нужно находиться там непосредственно.

И такое случалось не раз. Такое случалось постоянно. И чем дольше длился наш брак, тем более продолжительные командировки случались у Кирилла.

И я молчала. Но я не просто молчала.

Я радовалась. Господи! Идиотка! Я радовалась, что у него такие проекты. Что он настолько успешен. И ждала его, ждала столько сколько нужно ждать. И радовалась каждому мгновению, когда он дома.

Я думала, что все это он делает только ради меня, только ради своей семьи, но оказалось... а оказалось действительно так – ради семьи, только вот семей таких у него пять.

И как он только умудрялся, да и до сих пор умудряется так распределять свое время, чтобы все и для всех успевать? Хотя, откуда мне знать на каких условиях существуют другие его женщины...

От одной только мысли, что уже тогда, когда у нас с Кириллом двадцать лет назад только-только заканчивался конфетно-букетный период, у него уже могла быть, да наверняка и была другая женщина, мне хотелось вырвать из груди свое сердце, чтоб не чувствовать эту невыносимую жгучую боль.

Как он сказал? – «я люблю каждую свою женщину». Каждую! Боже! каждую. Все, это он говорил мне, но им он ведь говорил то же самое! Все, что делал для меня, делал и для них. Все эти годы, всю нашу совместную жизнь.

Я даже не знаю, как назвать такое? Предательство? Нет, для подобного должно быть какое-то другое определение, которого я, видимо, даже и не знаю.

И вот моя мама, ждет сейчас моего ответа, моя мама, которая, конечно, как это всегда бывает, оказалась права в том, что Кирилл ей не нравился.

«Мутный он какой-то», – сказала она мне, когда я познакомила их. И так за двадцать лет и не изменила своего мнения.

– Ну, чего молчишь? Даша! Приди в себя уже, – не выдержала она моего долгого молчания и нерешительности.

– Я останусь, мам, пока останусь... по крайней мере сегодня точно, пожалуйста, не дави на меня, мне нужно осмотреться, нужно подумать, пойми...

– Дочь, доченька моя, – мама подошла, присела рядом со мной и взяла меня за руку. – Ну, послушай ты меня, послушай хоть раз в жизни. Я же не враг тебе, я не стану советовать то, что может тебе навредить... понимаешь ты это?

Я всхлипнула, утерла предательски скатившуюся по щеке слезу и кивнула.

– Ты еще молода...

– Мама, мне сорок, – перебила я ее.

– Я в курсе... и повторяю, ты еще молода, ты еще можешь прожить столько же, понимаешь? Столько же! Никогда не поздно начать все с начала. Слышишь меня? Никогда не поздно становится самостоятельной и самое главное не весь этот антураж, – она обвела взглядом кабинет Кирилла, – самое главное, что у тебя внутри, кто ты есть и как позволяешь относиться к себе. Никогда никому не позволяй вытирать об себя ноги... никогда.

– Мама, ну, пожалуйста...

Она поднялась, поправила очки на переносице и глянула на меня одновременно и с жалостью и, будто, с разочарованием. Слезы текли по щекам уже ручьем. Грудь сдавило, будто на меня обрушили всю тяжесть мира разом. Мне едва хватало воздуха.

– Как знаешь, Дашенька, как знаешь... но будет очень обидно, и тебе в первую очередь, когда мне придется сказать – я же говорила.

Мама вышла из кабинета и я, наконец, осталась одна.

Казалось, я сейчас должна была рыдать, истерить и бить посуду, но вместо этого во мне обнаружилась такая пустота, что, казалось, я теперь полностью лишена эмоций и никогда не смогу вообще ничего испытать.

Словно во мне случился пожар и выжег все, что было во мне живое.

Моя крепкая любимая семья оказалась даже и не семьей. Стоило только треснуть фундаменту, как все тут же рванули из этого дома кто куда вместо того, чтобы попытаться как-то этот фундамент поправить.

На моей стороне не оказалось ни одного человека, но хуже всего – я даже не знала, что это за сторона такая, на которой я нахожусь.

К горлу подступила горечь, я никак не могла от нее избавиться.

Я встала с дивана и на ватных ногах с какой-то непонятной слабостью в коленях пошла на кухню.

Я шла по нашей огромной квартире, которая теперь казалось еще больше из-за образовавшейся здесь пустоты, даже не физической, а ментальной, словно люди, которые здесь всегда жили, оказались и не людьми вовсе, а призраками.

Казалось, каждый мой шаг отражается от стен гулким эхом, но это были только причуды моего восприятия.

Я смотрела под ноги, мне чудилось, что пол ходит ходуном, словно я иду не по мраморной плитке, а по болотистой земле, под которой тугими волнами гуляет трясина.

На кухне я налила воды в стакан и словно в замедленной съемке увидела, как этот стакан выскальзывает у меня из рук, брызгают во все стороны осколки, и я начинаю оседать на пол.

Нет, я не рухнула, я медленно опустилась на пол, уперлась рукой, отдернула ее и непонимающе уставилась на вонзившиеся в ладонь осколки.

Горячая густая кровь медленно капала на белоснежный пол. «Как красиво, – подумала я, – красное на белом...». Свет померк и меня обняла теплая и уютная темнота.

Глава 3. В мире животных

Я очнулась от того, что меня кто-то трясет за плечо, открыла глаза, но ничего не могла разглядеть. Смотрела словно через запотевшее стекло и только слышала:

– Дамочка... эй, ты как? Может, скорую?

Сквозь пелену, которая никак не хотела рассасываться перед глазами, я не могла разглядеть лица, склонившегося надо мной мужчины.

Его голос казался таким бархатистым обволакивающим и успокаивающим, что хотелось снова прикрыть веки и обратно провалиться в темноту.

Я услышала про скорую и это немного привело меня в чувство.

– Нет, не нужно... не нужно скорую, со мной все в порядке, помогите подняться.

Я почувствовала, как он взял меня за руку и подхватил под локоть.

– Так, посмотрите на меня, Даша, вас же, вроде как, Даша зовут?

– Да... откуда вы... а вы кто?

До меня вдруг дошло, что вообще-то в моей квартире какой-то незнакомый мужик, который неизвестно как сюда попал.

Следующая мысль поразила меня еще больше. Я поняла, что в квартире одна. И мама, и дочь, просто куда-то ушли. Словно между делом.

Мне стало так горько, что, грешным делом, я подумала: «Наверное, было бы хорошо, если бы я грохнулась и расшибла башку. Насмерть».

Неправильно это. Но мне хотелось, чтобы кто-нибудь в чем-нибудь был виноват. Потому что пока выходит, что виновата во всем я.

В груди похолодело, но я была еще слишком слаба, чтобы по-настоящему испугаться. Сейчас меня больше тревожило, что я не понимаю, произошедшего со мной, с чего вдруг этот обморок, никогда подобным не страдала.

– Я Степа, не помните меня? Сантехник. Ключ разводной забыл у вас в ванной, а он мне дорог как память, смотрю, дверь не заперта, стучу – молчок, зашел, уж простите, сантехник – это же почти как МЧС, если вы понимаете о чем я, а вы тут кровь-кишки какие-то устроили.

– Какой ключ... дорог, как память?... Кишки?

Я глянула на ладонь, из нее по-прежнему торчали осколки. Я вспомнила тот неприятный запах – толи канализации толи чего похуже, который у меня связан с этим голосом, и я тут же его вспомнила.

– А, ну да, этот запах...

– Ну, конечно, запах, а чем, по-вашему, должен пахнуть человек, которого выдернули из коллектора, когда там прорвало все к чертям, чтобы с вашей трубой заниматься? Давайте-ка вашу руку посмотрим, аптечка есть?

Я опустила на стул и неопределенно махнула рукой.

– Ясно. Сейчас вернусь. В машине у меня есть. Со стула не вставать, в обморок не падать, кровью тут все не заливать.

Мне стало лучше. Видимо, кровопускание пошло на пользу, как бы это ни звучало.

Он ушел и вернулся минут через десять с автомобильной аптечкой в руках.

– Дайте посмотрю, – Степа взял мою руку, и спросил, показав куда-то на потолок, – что это?

Я глянула и в этот момент он ловко выдернул у меня из руки самый крупный осколок.

– Ой! – вскрикнула я.

– Не ой, а еще один вот, – он дернул второй, приложил кровоостанавливающую губку и ловко все это дело забинтовал, словно каждый день таким занимается.

– Хорошо у вас получается, – искренне восхитилась я.

– Немудреное дело. Это как с трубой, ну... почти. Так что я, иногда, практикую хирургию, ну, отрезать там что-нибудь не сильно важное, пришить и все такое.

Я глянула на него с недоумением.

– Да, шучу я, какая-то вы Даша сильно впечатлительная.

– Спасибо за помощь, – поблагодарила я.

– Да не за что. Вы как вообще? – спросил он и добавил, – в целом.

Как и в то мгновение, когда я увидела его впервые, мне показалось, что его внешность как-то не очень сочетается с его профессией.

Предубеждение, конечно, но все же.

Сейчас я присмотрелась к нему внимательнее. На нем темная плотная рубашка в клетку с закатанными по локоть рукавами, верхние две пуговицы расстегнуты, видна растительность на груди. Он в черных джинсах, эта простая одежда сидит на нем так ладно, что я невольно засмотрелась.

Вроде бы выглядит как обычный, немного неотесанный мужичара, но видно, что борода ухоженная, явно подстриженная хорошим мастером. И загар этот. Будто он только вернулся с курорта, а на дворе, на минуточку – январь.

Темноволосый и такие голубые глаза, будто в них само небо застряло. А ресницы, эти пушистые черные ресницы, которые добавляли в его внешность что-то немного наивное, но гармонирующее с общей брутальностью, я еще в первый раз отметила.

В общем, что-то такое в нем было, я даже не знаю, цепляющее что ли. Какая-то уверенность и не такого плана, какая была у Кирилла.

Мой муж себя всегда вел так, словно если и есть в этом мире что-то, что ему не по плечу, так с этим он справится с помощью денег или влияния.

Степан создавал такое впечатление, будто в этом мире попросту нет ничего, что заслуживало бы каких-от усилий.

«Это как с трубой», – как он выразился. Просто возьмет и залатает. Чтобы там у кого, где не прорвало, и какая бы авария ни случилась.

Как-то не складывалась в моей голове картинка. Шаблон трещал по швам.

И как мне, получается, сейчас ответить на его вопрос. Как я в целом? В целом я чувствую себя так, будто об меня вытерли ноги.

Как я в целом? Так, словно я ничтожество, будто я и не человек вовсе, а придаток к человеку или к тому, кто себя называет человеком.

Я в целом так, словно все, что я знала, вдруг оказалось ложью, как, наверное, чувствовал себя человек, когда узнал, что земля на самом деле не плоская, а круглая.

– Нормально... – ответила я, наконец, на его вопрос, – наверное, нормально.

– Ну, вот и славненько, а давайте я вас, Даша, в травмпункт отвезу, на всякий случай, рана у вас глубокая, мало ли что?

– Нет, не стоит, ерунда, – я выдавила из себя улыбку.

– Ну, ерунда не ерунда, а врачу показать нужно... минутку, ключ я все-таки свой заберу и поедем, собирайтесь.

Я проводила его взглядом и пошла собираться в свою комнату. Не то чтобы я и правда считала, что мне нужно к врачу, скорее мне попросту не хотелось сейчас оставаться одной. Особенно после того, как мама и дочь заняли каждая свою сторону и никакой поддержки или понимания я не получила.

Что-то не так с этим сантехником. Вот только я никак не могла разобраться, что именно.

Когда он появился впервые и от него воняло, все было правильно, а сейчас, когда он какой-то слишком холеный, что ли, мне кажется, будто я попала в дурной ромком.

Я глянула на ладонь. Порез пустяшный на самом деле. Но сейчас мне как никогда хотелось, чтобы реальность, в которой я оказалась размылась, расплылась, растворилась.

Чтобы хоть на секунду отвлечься и перевести дыхание.

Я надела свитер, джинсы, наспех поправила макияж и когда вышла из комнаты услышала какое-то шипенье из ванной, грохот и забористый, даже в какой-то мере грациозный мат: «Да еби..ь оно конем, бл..кое сраножопие!!!».

Сердце в груди подпрыгнуло, я вздрогнула и машинально вжала голову в плечи, не представляя, чего сейчас ожидать, если случилось такое грандиозное вступление.

Дверь в ванную распахнулась. Степа стоял мокрый с головы до ног.

– Что не так с коммуникациями у вас в доме не понимаю? Здесь же квадратный метр стоит как небольшой город целиком, а трубы гнилье какое-то!

Я только пожала плечами:

– Сталинка, наверное, со времен Сталина трубы и не меняли.

– Ага, Сталина на них нет...

– Давайте одежду вашу в сушилку положим, это быстро, – предложила я.

Степа, нисколько не смущаясь тут же начал снимать рубашку. Я показала ему как пользоваться сушилкой. Степа снова скрылся в ванной.

Я вздрогнула от щелчка дверного замка.

Дверь открылась и на пороге появился Кирилл.

Он замер на мгновение, глянул на меня и сказал, как ни в чем ни бывало:

– Собралась куда?

Кирилл заметил бинт на моей кисти, подошел и взял за руку.

– Что это? – спросил он?

– Порезалась, – я отдернула руку.

– Вечно у тебя все через одно место...

Кирилл двинулся в свой кабинет, не снимая обуви:

– Забыл кое-что.

Я смотрела на своего мужа, на то, как он спокоен и в голове не укладывалось, что он может быть сейчас так хладнокровен. Будто я чужая. Словно я не та женщина, которой он на протяжении двадцати лет говорил, что любит.

Через мгновение Кирилл вышел из кабинета и замер, прислушиваясь.

– Там кто-то в ванной? Настя?

Словно в ответ на его вопрос, дверь открылась, и перед нами предстал Степа в трусах и во всем своем великолепии.

– Что-то я разобраться не могу с вашей сушилкой, Даша... – начал он, но осекся, заметив Кирилла.

– Интересно... – протянул тот. – А ты, дорогая, времени, смотрю, не теряешь.

– Не говори ерунды, – бросила я.

– У нас здесь авария, – вмешался Степа.

– Ага, я вижу, – ухмыльнулся Кирилл.

– Слушай, мужик, – Степу, видимо, совершенно не смущало, что он почти в negligé, – не мороси, нервный ты какой-то.

– Лишнего не болтни... – Кирилл сделал к нему шаг.

– А то, что? – Степа шагнул на встречу.

У меня замерло сердце. Я впервые видела, что Кириллу кто-то не просто не уступает, но ощущение такое, что и давит.

У Кирилла сжались кулаки, у Степы на скулах заиграли желваки. В квартире казалось, даже воздух пропитался тестостероном.

Я старалась не произвести ни звука, чтобы случаем не спровоцировать драку.

– Я тебя последний раз предупреждаю, – процедил сквозь зубы Кирилл.

Степа подошел к нему в плотную, уперся лбом ему в лоб. Кирилл тут же отступил. Мне без слов стало ясно, что вот так вот быстро и, наверное, сам того еще не осознав, Кирилл только, что уступил ему территорию. Свою вообще-то территорию.

Я будто смотрела документальный фильм про животный мир. Не хватало только голоса за кадром.

– Позже с тобой разберусь, и с твоей конторой, наверное, ей пора прекратить свое существование, – Кирилл отступил окончательно и двинулся в свой кабинет, но все же остановился на мгновение и добавил, – странный способ оказания сантехнических услуг.

Степа ухмыльнулся, прислонился плечом к стене и сложил руки на груди.

– Духу в нем маловато, – сказал он то ли мне, то ли непонятно кому.

Он вернулся в ванную и через пару минут уже вышел одетый. Степа стоял, закатывая рукава своей рубашки, и когда Кирилл прошел обратно к выходу, не удосужил того даже взглядом.

Кирилл остановился на мгновение в дверях, глянул на меня через плечо и бросил:

– Через неделю, Даша, я вернусь через неделю, и если... в общем, ты помнишь, что я сказал... чтобы духу тут твоего не было.

Я сглотнула комок в горле.

– Какой суровый... – не сдержался Степа.

Я почувствовала, как слезы подступают к глазам.

– Пойдемте, Даша, – сказал Степа, когда дверь за моим мужем закрылась, – разберемся уже с вашей рукой и еще кое куда съездим.

– Куда? Зачем? – я утирала слезы и не очень понимала, о чем он говорит.

– Неправильно такую красивую барышню оставлять в беде и грустить, пойдемте уже. Не против, если перейдем на «ты»? – спросил он.

– Не против, – согласилась я.

Мне уже было все равно на «ты», на «вы» или еще как. Мне просто хотелось, чтобы хоть на мгновение в груди утихла эта невыносимая боль, словно мне вынули сердце, разорвали его на куски и засунули ошметки обратно.

И не заставить уже это месиво снова биться, верить и чувствовать жизнь.

Все равно было куда сейчас идти, зачем и с кем. Хоть с сантехником, хоть с чертом рога-тым.

Глава 4. Снег

Степа усадил меня в свою машину, шикарный, на минуточку, черный внедорожник, что окончательно разорвало шаблон о сантехниках. Я уже начала сомневаться, что он на самом деле сантехник.

В голову полезли какие-то конспирологические теории вперемишку с вопросами: кто он такой? откуда взялся и зачем проник в квартиру.

В салоне машины приятно пахло новенькой кожей, от Степана пахло еще приятнее: откровенный мужицкий запах с толикой ненавязчивого парфюма. И когда только успел брызнуться, для меня что ли?

Я почувствовала, как у меня немного разогрелись щеки. Организм выдал реакцию миную и мое сознание, и настроение. Я поглядывала на него время от времени всю дорогу пока мы ехали к травмпункту и отмечала, что он чертовски привлекателен. Не так утончен, как Кирилл, но эта его неотесанность играла ему только на пользу.

«Вот тебе и сантехник», – думала я, выходя из машины и направляясь в сторону травмпункта.

Степа было дернулся пойти со мной, но я попросила его подождать в машине. Он не стал спорить. Мне вообще стало казаться, что стоит его только о чем-нибудь попросить, и Степа ни в чем не откажет.

Рана оказалась не такой уж серьезной. Руку перебинтовали, врач подивился умелой повязке, сделанной Степой, да с тем и отправил.

Когда я вышла из травмпункта посыпал такой крупный и лохматый снег, что сразу как-то стало легче на душе. Город укрывало пушистым покрывалом, отчего он тут же стал казаться сказочным, невесомым.

Я натянула шапку на уши, Степа ждал меня у машины и по-мальчишески задрал голову и пытался поймать на язык снежинку. Картина была умильной, первый раз за весь день я искренне улыбнулась.

Он заметил меня и снова уставился в небо.

– Давай со мной, Даша, – он открыл рот и вытащил язык.

– Это как-то странно, – замялась я.

– В детстве же не было странным, а то – настоящее в нашей жизни, скажу я тебе, барышня, что вызывало у нас неподдельный восторг именно в детстве. Открой рот уже, давай!

Я рассмеялась, но сделала как он просил, а сама подумала: «Да, и не выражаются такими фигурами сантехники, ну, точно не выражаются».

Мы стояли, задрав головы и ловили снежинки на языки.

Голова немного кружилась, вместе с этими снежными хлопьями, удивительно, но я и правда почувствовала тот самый детский восторг. В этот момент, на мгновение, все стало незначительным, несущественным. Остался только снег и едва различимое облачное небо.

Нельзя уже было разобрать, где небо, а где земля, так все засыпало.

Я опустила голову, меня качнуло. Степа подхватил меня аккуратно под локоть. Я глянула в его голубые глазки. Он белозубо улыбался, и улыбка эта отражалась и в его глазах в том числе.

– Сколько тебе лет, Степа? – спросила я неожиданно для самой себя.

– Это вопрос или укор? – спросил он в ответ.

– Вопрос.

– Сорок пять.

Он тактично не задал встречный вопрос.

«Великолепно ты выглядишь для сорока пяти, Степа», – хотелось мне сказать, но, конечно, я ничего не сказала.

– Как-то глупо мы себя сейчас ведем, взрослые тети и дяди, – я поймала на бинт снежинку и растопила ее дыханием.

– А взрослые тети и дяди в основном так себя и ведут – глупо, не замечала? И я не имею в виду ловлю снежинок на язык, это как раз очень важное и нужное дело, прошу заметить.

– Считаешь? И почему же? – спросила я.

– Потому что в этот момент мир останавливается и можно заглянуть в самого себя, вспомнить, что мы какие-то слишком серьезные и слишком серьезно относимся к самим себе и к жизни.

– А ты, Степа, в свободное от борьбы с трубами философию случаем не преподаешь? – я хитро прищурилась на него.

– Нет, но мог бы, диплом у меня соответствующий имеется.

Сказать, что его ответ удивил, значит – ничего не сказать.

– Тогда почему такой выбор профессии?

– Руками я работать люблю больше, чем головой. Когда руки заняты, мысли останавливаются, это почти как ловить на язык снежинки.

Этот мужчина удивлял меня все больше. Обычно, чем больше узнаешь человека, тем понятнее он становится, здесь же новая информация только подкидывала новые загадки.

– Поедем, Даша, я вас угощу самым вкусным глинтвейном в городе и накормлю, женщину обязательно нужно кормить, чтобы у нее внутри не успевала образоваться пустота, которую она начнет заполнять тревогами и беспокойствами.

– Интересная теория, – улыбнулась я.

И это была вторая искренняя улыбка за этот день.

– Я думала, женщина устроена чуть сложнее.

– Смотря какая, Даша, смотря какая...

Он произнес это будто с грустью. Я не могла разобрать эмоцию.

– В некоторых только для еды место и есть, и никакой экзистенциальной пустоты, которая обязательно должна быть в человеке, но это точно слишком уж запутанная концепция и на голодный желудок я ее излагать не возьмусь. Может как-нибудь в следующий раз.

Степа обошел машину и открыл передо мной дверь.

Снег по-прежнему валил крупными мохнатыми хлопьями. Словно старался всеми силами удержать меня в этом мгновении, чтобы я не возвращалась мыслями ни к чему другому, кроме текущего момента.

Пока мы ехали я все смотрела в боковое окно и старалась ни о чем не думать.

Степа открыл передо мной двери в уютный ресторанчик, интерьер которого терялся в намеренно тусклом освещении, создающем дополнительный уют. Здесь играла тихая ненавязчивая музыка, полупустой зал и общее какое-то домашнее настроение.

Я сделала шаг, но Степа так и замер в дверях. Я оглянулась на него, не понимая, чего он застрял и забеспокоилась, заметив выражение его лица.

Он будто немного побледнел. Поджал губы и стиснул зубы. На скулах заиграли желваки. Он смотрел куда-то вглубь зала. Я проследила за его взглядом и разглядела там, куда он смотрел двух женщин.

Одна из них – блондинка, показала пальцем на Степу и что-то сказала своей подруге, или кто она там.

Та тут же вскочила из-за стола. Поправила белокурые локоны и пошла к нему на встречу.

Облегающее платье подчеркивало стройную фигурку. Лет на десять меня младше точно.

Мне почему-то физически стало неприятно от одного взгляда на нее. Не от того, как она выглядела, скорее, как она смотрела на Степу. Как решительно шла к нему. Я глянула на него.

– Вот же сука... – процедил Степа сквозь зубы, явно не намереваясь говорить это вслух, но не сдержался.

– Пойдем отсюда, Даша, – Степа открыл передо мной дверь.

Но выйти мы не успели. Блондинка чуть ли не вцепилась в Степу:

– Степа, подожди, не уходи, пожалуйста... – жалобно пропищала она.

– Чего ты хочешь, Сухова?

«Так вот еще какой тон бывает у этого бархатного голоса», – подумала я, услышав, как он намеренно фамильярничает.

– Ну, неужели ты все еще на меня сердишься? – она держалась за полу его куртки, словно боялась, что он сейчас убежит от нее.

Блондинка глянула на меня так, будто хотела испепелить взглядом, презрительно фыркнула и снова все внимание переключила на Степу.

Я тихонечко скользнула в дверь, пока они уставились друг на друга.

Снег на улице по-прежнему засыпал город. И вроде тот же самый снег, но только в нем не было больше ничего, что меня могло порадовать. Проклятый снег. Проклятая зима. Чертов сумбурный день!

То, что проскочило между Степой и этой блондинкой мне не нужно было расшифровывать. Меня выбросило обратно в мою ситуацию. Почему-то заболел порез на ладони, но еще сильнее заболел порез на сердце.

Все разрушилось и все вернулось на круги своя. Я вызвала такси через приложение и уже через две минуты скользнула в салон машины.

Такси везло меня домой. И чем ближе я была к дому, тем противнее мне становилось.

Жалко, что этот день заканчивается, как и жалко, что я так и не попробовала чудесный, как пообещал Степа глинтвейн.

Глава 5. Классика

Степан

Специально она меня здесь ждала что ли, зная, что непременно рано или поздно загляну?

Стоило ее увидеть, как сердце сжалось в комок, в груди забурлила такая злость, что хотелось схватить ее за волосы и как следует приложить об стену. Но зная, свою жену, уверен, что ей такое еще и понравится.

– Степа, ну прости меня, ну чего ты в самом деле, как маленький? – она хлопнула ресницами и сделала такие жалостливые глаза, что сюда, наверное, уже выехала служба по спасению самых честных и самых несчастных женщин на свете.

Вот только Вика ни та, ни другая. Моя Вика лживая сука и больше ничего я о ней хорошего сказать не могу.

Перед глазами тут же возникла картинка, как моя жена стоит, отключив задницу, а сзади ей с чувством, с толком, с расстановкой засаживает ее начальник.

Прямо в своем кабинете. Я смотрю на это не в силах поверить своим глазам и пока вот так стою, онемев, моя женушка опускается на колени и заглатывает у него член, он тут же кончает ей в рот.

Никогда не любил фразу – корпоративные принципы и в тот момент мне подумалось, что это, по ходу, они и есть. Разум не хотел верить в происходящее и принялся выдумывать шуточки.

Дальше все как в тумане. Помню только, что ее начальник лежит со сломанной челюстью и спущенными трусами на полу. Он знал, что она замужем, знал меня лично и этим себя приговарил. Не знал бы, не пострадал. Какой спрос с кобеля, если сучка сама подставляется?

Помню, как надвигаюсь на Вику с одним только желанием – прибить, но вовремя останавливаюсь, только успев замахнуться.

– Степа прости! Степа не надо! – кричит Вика и закрывается руками.

Не знаю, какие силы меня в тот момент остановили, но я по гроб жизни им благодарен. Никогда не поднимал руку на женщину, и здесь бог отвел. Я бы не смог остановиться, убил бы ее точно, а если бы не убил – покалечил.

Деять лет брака, любовь от которой сносит крышу. Я же все для нее... никого кроме нее не видел... Хорошо, хоть детей не успели наделать.

И вот она стоит передо мной, глядит своими наглыми карими глазами, лыбится и наверняка уверена, что я не устою.

Имеет право так думать. Нельзя настолько сильно любить женщину. У нее от этого комплекс богини случается.

– Сухова, сделай шаг назад, а то я за себя не ручаюсь, – отвечаю я ей, наконец.

– Чего это ты меня не своей фамилией величаешь, я уже десять лет как не Сухова, а Васильева.

– Васильевой ты перестала быть в тот момент, как в тебе чужой член оказался.

– Мы еще женаты, Степочка.

– Это ненадолго.

– Ты меня больше не любишь? – она попыталась обнять меня за шею.

Я перехватил ее руку.

– Не плоди сущности, Сухова. Дело уже не в любви.

– Значит любишь! И я тебя люблю, Степа, когда ты уже перебесишься, и мы сможем нормально поговорить?

– О чем нам говорить? Мне не о чем. Сама с собой поговори. Встань перед зеркалом и расскажи сама себе какая ты лживая шлюха. Если появится желание, можешь поспорить сама

с собой. Доказать сама себе, что это не так. Но что-то мне подсказывает, что твоему поганому языку даже отражение в зеркале не поверит.

– Ох Степочка, всегда любила твои метафоры, – она отошла на шаг назад. – А что это за дама с тобой была, можно поинтересоваться?

– Это уж точно не твоего ума дело. Странно, конечно, что ум и ты оказались в одном предложении, но все же.

Здесь я, конечно, лукавил. Глупой она точно не была. Расчетливой – да, беспринципной – да. Шлюховатой, как оказалась – о! да. Но не глупой.

– Красивая, во вкусе тебе, Степа, что уж говорить, не откажешь. Хотела сказать старовата, но ты у меня тоже уже не мальчик.

– Не у тебя, Сухова, не у тебя, – я развернулся чтобы уйти и почувствовал ее руку на плече.

– Я тебя не отпущу, я люблю тебя, слышишь? – проворковала она.

– Пошла на хер, и лучше не попадайся мне на глаза.

Я уже вышел за дверь, но она успела сказать:

– Ничего ты мне не сделаешь, Степочка, ты меня любишь, я знаю.

«Ты добьешься своего, и я сделаю для тебя исключение, поступлюсь принципами и точно расколочу твою красивую ненавистную мордашку», – подумал я и двинулся к машине.

Только когда оказался за рулем и врубил магнитоу, где Виктор Цой рассказывал мне о том, что «если есть в кармане пачка сигарет, значит все не так уж плохо на сегодняшний день», – я пришел в себя.

Об одном я только жалел теперь на самом деле. Даша куда-то исчезла. Я и не заметил, чертова Вика!

Удивительно красивая и мягкая женщина. Но какая-то надломленная. И не только потому, что у нее в семье творится бардак, судя по разборкам с мужем, нет. Эта надломленность в ней такого свойства, будто она всю жизнь играет чужую роль в какой-то дурной пьесе.

Она из тех женщин, чей возраст невозможно определить. Да, глаза выдают, что уже не девочка, конечно. Есть в них этот блеск, как бывает в глазах умудренных жизнью женщин, еще и этот хитрый лукавый лисий прищур. Но в остальном, можно как лет тридцать дать, так и сорок.

Пойди пойми. Волна черных смоляных волос, точенный благородный профиль и даже едва заметные паутинки в уголках глаз, когда она улыбается только подчеркивают породу.

Идеальная крепкая фигурка, вся будто немного подпружиненная, словно в ней пытается вырваться наружу всю жизнь сдерживаемая и нереализованная энергия.

А муженек тот еще тип, конечно. Знаю я таких. Духа мало, но апломба хоть отбавляй. Такие, как он живут, словно ракушки, прячутся от бурь, но в то же время с гордостью выставляют зазубренные края, заявляя о своем присутствии на этой земле, будто они что-то значат, будто действительно что-то решают.

Громко говорят, много жестикулируют, как будто стараются заполнить пустоту своей жизни громкими словами и пафосными фразами.

У людей с таким характером нет внутреннего мира, они часто заполняют его шумом, яркими красками и ненужной суетой. Создают вокруг себя иллюзию бурной деятельности, но, если копнуть, окажется, что и нет там ничего.

И непонятно, почему на него такими преданными глазами смотрит Даша. Вроде бы она не из тех женщин, что как собачонки готовы тереться об ногу своего хозяина, даже когда он пытается отпихнуть.

Или я что-от не понимаю?

Я вошел в свою квартиру. Скинул одежду и обувь. Здесь еще пахнет Викой. Да здесь все ею пропахло, черт подери.

Удивительно какие загогулины выдает мозг. Сразу столько ассоциаций. И вместо того, чтобы держать перед глазами ту самую картину из кабинета ее начальника, он мне подсовывает фрагменты из нашей прошлой жизни.

Из той жизни, когда казалось, что счастье – это что-то протяженное во времени. Что завтрашний день будет лучше, чем вчерашний, и ничто никогда нас не разъединит.

Я прошел по коридору, мимо рамок с нашими фотографиями, где мы с ней счастливо улыбаемся, обнявшись на фоне заката.

Тупое банальное фото. Теперь оно видится мне именно таким. Я хватаю рамку, бросаю на пол, наступаю, с наслаждением прислушиваясь к треску стекла.

На столике в углу лежит ее любимая книга, затертая, с закладками чуть ли не на каждой странице. Я беру книгу, смотрю на обложку. Мастер и Маргарита.

Из Мастера и Маргариты нужно вырастить где-то в пятнадцать. Но она затерла ее до дыр.

Я продолжаю идти, словно в трансе. На кухне стоит пара чашек, оставшихся после нашего утреннего кофе.

Это было утро того самого дня, когда вечером я поехал ее встречать с работы. Хотел сделать сюрприз. Сделал, твою мать. Себе. Да такой сюрприз, что теперь не нарадуюсь.

Так и не помыл эти чашки. Они уже, наверное, окаменели и скоро начнут представлять интерес для археологии.

Хрен его знает почему не помыл. Может потому, что на одной из них остался едва заметный отпечаток ее губной помады? Торопилась, допивала уже на ходу.

«Куда ты так торопилась, Вика? Прыгнуть на другой член? Успела, я смотрю», – пронеслось в голове.

Я бросаю чашку в стену – брызгают в сторону осколки. Следом летит вторая. Злюсь? Да ни сколько. Просто ненавижу грязную посуду...

Я лег на кровать с томиком Мастера и Маргариты открыл наугад и прочитал: «Если бы в следующее утро Степе Лиходееву сказали бы так: «Степа! Тебя расстреляют, если ты сию минуту не встанешь!» – Степа ответил бы томным, чуть слышным голосом: «Расстреливайте, делайте со мною, что хотите, но я не встану»».

«Во! – подумал я, – именно так я и сделаю, я хрен встану с этой кровати до тех пор, пока не случится что-нибудь чудесное. Что-нибудь такое из-за чего захочется жить дальше».

В кармане ожил телефон. Номер был незнаком, но я ответил.

– Степан, это Даша, ты извини, что я ушла по-английски, мне показалось, что я там не очень была уместна... вот...

– Все правильно сделала, так себе была сцена. И не драма и не комедия, актеры вообще никуда не годятся, сценарист придурок.

Я услышал, как она тихонько смеется в трубку, невольно улыбнулся сам и глянул на обложку книги, включил громкую связь и положи телефон на грудь. «Вот же Булгаков, вот же сукин сын», – подумал я, вытряхнул из книги Машины закладки и снова открыл наугад.

– Я не отвлекаю, ты можешь говорить? – спросила Даша.

– Отвлекаешь, но от тех мыслей, от которых я очень буду рад отвлечься, – ответил я.

– Я же по делу звоню на самом деле...

– Только не говори, что опять трубу прорвало!

Она снова засмеялась.

– Нет, я по поводу глинтвейна, того, что мимо меня прошел, ты рецепт знаешь, если говоришь, что он такой чудесный, должен знать...

– Знаю, записывай.

– Помедленнее, я сразу делать буду.

Я услышал, как в трубке звякнул бокал и приготовился диктовать. И пока она там чем-то шуршала успел прочитать еще одну строчку в книге: «Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви? Да отрежут лгуну его гнусный язык!».

«Ой, да заткнись уже, Булгаков, не бывает такого, – подумал я и зачем-то добавил еще одну мысль, – или бывает?».

Глава 6. Глинтвейн

Что ж, глинтвейн по Степиному рецепту действительно оказался чудесным. Я отбила звонок, попрощавшись с сантехником, который попросту не может существовать в этом мире и сделала вкусный ароматный глоток.

Тепло разлилось в груди. Я уже собиралась устроиться с бокалом и пледом на кровати, как в самом дурном и банальном интернетном меме, но услышала, что открылась входная дверь и следом голос мужа и звонкий женский.

Я поставила бокал на комод и выглянула из комнаты.

– Проходи, Соня...

«Соня? Черт, что за Соня?», – пронеслось в голове.

– Ты уверен, милый?

– Уверен, главное, чтобы ты не сомневалась.

– Да с чего бы мне сомневаться?

Я выхожу из комнаты и застываю в прихожей, будто меня в соляной столп обратили.

Какая-то девица повисла на шее у Кирилла. Стоят целуются, а я не могу поверить, что не сплю. Да и никаких галлюциногенов, вроде бы, в глинтвейн не добавляла.

Она, наконец, отлипла от моего мужа, глянула на меня несколько не смущаясь.

– Даша, познакомься – Это Соня, моя жена. Соня, – это моя жена Даша.

«Господи, что вообще происходит? Что за бред?...», – думаю я и не знаю как на все это реагировать.

Соня дернула бровкой и скривила губки. Совсем молоденькая. Двадцать пять максимум.

Кирилл прошел мимо меня, словно я часть интерьера, а не живой человек. Соня двинулась за ним, но я перегородила ей путь.

– Она не войдет в мой дом, Кирилл, – бросила я, в упор глядя на нее.

– Это не твой дом, Даша, не тебе решать, уйди с дороги.

Девица прошла, толкнув меня легонько плечом.

Я почувствовала, как меня накрывает волной злости. Я едва держалась, внутри все клекотало.

Я пошла за ними. Кирилл завел ее в одну из комнат.

– Располагайся здесь, Соня, чувствуй себя как дома, – распорядился он.

– Какого черта, Кирилл? Ладно, я поняла, член ты в штанах держать не умеешь, но это уже за гранью. Зачем ты ее сюда привел? – выдала я.

– Обстоятельства. Мы начали ремонт у Сони в квартире, она поживет пока здесь, – как ни в чем ни бывало ответил Кирилл, словно речь идет уже о решенном вопросе.

Здесь явно было что-то не то. Кирилл, если бы захотел, мог бы снять этой Соне на время квартиру, в средствах то он уж точно не стеснен. Да и в загородный дом отвезти, раз уж сам решил там пожить неделю.

Да, что там говорить, он мог бы купить ей какой-нибудь небольшой город на время.

– Ты же собирался в загородном доме пока остановиться, – напомнила я.

– Так и есть. Кто сказал, что я здесь останусь? Только Соня. Так, Даша, я вижу у тебя все еще в голове какое-то непонимание. Я тебе по слогам проговорю – Соня моя жена. Такая же как ты. Не больше и не меньше. У нее ровно такие же права, как и у тебя, никакой разницы и, если уж на то пошло, она, если бы захотела, тоже могла бы сделать сейчас круглые глаза и говорить ровно то же самое, что лепечешь ты. Но, как видишь, этого не делает. Так что давай и ты прекратишь уже этот бессмысленный разговор.

Я вспомнила, что Кирилл говорил, дескать, одна из его жен в курсе происходящего. Видимо, это и есть эта пигалица.

– Ты решил меня окончательно уничтожить? Еще до того, как я приму хоть какое-то решение. Ладно любовь, я уж и не буду говорить, что так не поступают ни с теми, кого любят, ни с теми, кого любили. Но хотя бы какое-то уважение должно быть? Я не заслужила этого уважение за двадцать лет, Кирилл?

– Ты собака что ли, Даша, чтобы «заслуживать»? – ухмыльнулся Кирилл. – Все закончили. У меня времени нет с тобой тут рассусоливать.

Кирилл вышел из комнаты. Я тут же за ним. Соня осталась, по всей видимости, действительно собралась здесь расположиться.

– Стой! Ты не смеешь! – я схватила его за рукав пиджака.

Он раздраженно дернул рукой.

– Прекрати истерику, уверен, вы с Соней найдете общий язык, она очень сообразительная девочка. И покладистая, как видишь. Единственная кто все знает и ни слова мне не говорит по этому поводу. Все ее устраивает, человек счастлив, бери пример, Даша. Попроси, Соня тебя научит.

Он надел обувь, накинул куртку и открыл входную дверь.

– Это ты меня так выживаешь из квартиры? – спросила я, и голос мой дрогнул.

Горло будто удавкой перехватили. Я никак не могла вдохнуть. Слезы подступили к глазам.

– Не носи ерунды. Никто тебя отсюда не выживает и не выживет. Ты не слушала меня что ли? Я вас всех люблю одинаково. И не допущу, чтобы кому-то из вас было плохо или некомфортно, но, как ты уже знаешь, есть условие. Полное принятие и понимание. Это так сложно?

– Ты сумасшедший... ты просто обезумел... я никак не могу больше это объяснить.

– Не драматизируй, утомила уже, повторю, тебе неделя не размышление... и будь как-то погостеприимнее, не забывай, у меня все на равных правах.

Хлопнула дверь и у меня вместе с этим хлопком сердце ухнуло в живот, да кажется, так там и застряло.

«Боже, что же мне делать? Как же мне со всем этим справиться, дай мне сил», – взмолилась я, хоть никогда и не была верующей. Из меня это попросту мысленно вырвалось. От беспомощности. От боли. От унижения, с которым просто невозможно справиться.

Я так и замерла в прихожей. Эта квартира мгновенно стала чужой и мне не хотелось двигаться с места. Мне было противно. Словно кто-то залез грязными руками в самое дорогое и самое сокровенное.

Снова открылась дверь. От неожиданности я вздрогнула. Вернулся Кирилл с внушительным чемоданом.

Он молча прокатил чемодан мимо меня, оставил в комнате, где оставил свою девицу. Я все никак не могла смириться, что он называет ее женой. Чушь какая-то.

Он снова прошел мимо меня, и когда за ним опять закрылась дверь я услышала из комнаты голос Сони:

– Даша, а помоги мне с вещами, куда чего складывать?

Я прошла в свою комнату, взяла с комода бокал уже с остывшим глинтвейном и выпила одним залпом, как заправский алкоголик.

«Покажу, сейчас я тебе все покажу, Сонечка», – подумала я и направилась к ней в комнату.

Глава 7. Мужчины

Соня деловито потрошила свой чемодан. Я встала в дверях, наблюдая за ней и только диву давалась ее беспринципности.

Даже если сделать поправку на то, что она в отличии от меня знала о том, что творит Кирилл, все равно я не очень понимала, как она может так спокойно относиться к тому, что мужчина которого она любит, ведь любит же правда? привел ее туда, где находится другая его женщина.

– Ты бы особо-то не располагалась, Соня, ну, не думаешь же ты, что мы и правда будем здесь с тобой жить? – начала я.

Она даже не обернулась. Только вздохнула, да так шумно, будто ждала этого разговора, но надеялась, что он все-таки не случится.

– Послушай, Даша, ведь Даша, правильно?

Она достала из чемодана белье и будто специально и демонстративно растянула и стала разглядывать свои кружевные трусы.

– Мне не интересно, что ты там думаешь, я делаю только то, что скажет Кирилл. Сказал, что я должна пожить здесь – буду жить, скажет, что мы с тобой должны быть подругами и целоваться до боли в деснах – буду целоваться, скажет ненавидеть и стать врагами – стану самым страшным твоим врагом.

– Очень интересно, и что он тебе сказал на этот раз? Кем предложил для меня стать?

– Ничего не сказал, поэтому я к тебе пока не отношусь никак. На первый взгляд ты очень приятная женщина.

Она, наконец, положила свои проклятые трусы, – ... и красивая, все-таки у Кирилла прекрасный вкус на женщин. Но если ты хочешь со мной ссориться, в обиду я себя не дам. Вот только зачем нам ссориться? Я у тебя мужа не уводила, я не претендую на то, чтобы он был только моим, и, если это для тебя важно, я не знала сначала о том, что у него пять семей.

– Откуда такая покорность? – я немного сбавила обороты. В чем-то она была права. В конце концов, действительно, винить нужно точно не ее в том, что происходит.

– А это не покорность, – Соня взяла стопку со своими шмотками и подошла к шкафу, – это понимание.

– Ну, хорошо, что хоть кто-то понимает, что вообще происходит, – фыркнула я, – может и мне объяснишь, а то вообще ничего не понимаю.

Соня убрала вещи в шкаф и уселась на кровать, закинув ногу на ногу.

Она внимательно оглядела меня, словно изучая.

Несмотря на возраст, Соня еще так молода, в глазах ее я не видела легкомысленности, скорее наоборот – взгляд ее был не по возрасту острый.

– Ты же чуть ли не в половину меня старше, Даша. Это тебе нужно мне рассказывать, как жизнь устроена, а не наоборот. Но если просишь... Я, наверное, для тебя еще слишком молода и, что я могу знать о жизни и об отношениях да?

Ответ ей был не нужен, этот вопрос она даже непонятно кому задала.

– Но это немного не так. Я приехала в Москву из небольшого провинциального городка, где мужчина уже тогда считался приятным и обходительным, если он тебе во время оргазма по спине кулаком не стучал. Образно, конечно, но не далеко от правды. Да и в столице с сильным полом оказалось не лучше. Все то же самое с поправкой на Московские заморочки. Здесь, такое ощущение, что в женщинах больше мужского, чем в самих мужчинах. Я никогда не была ни приживалкой, ни тарелочницей, но все равно имела некоторое представление о том, как должны быть устроены взаимоотношения между полами.

Говорила она складно, и формулировочки подбирала, что надо.

– Они не умеют ухаживать, не умеют заботиться и не думают ни о ком кроме себя любимых и своих взрослых игрушках, а, иногда, и не взрослых, а буквально игрушках – не вылезают из мониторов своих компьютеров.

– К чему ты ведешь? – перебила я ее, – ничего, чего бы я не знала, ты мне не рассказываешь, но начала так, будто собираешься мне глаза на вселенную открыть.

– Я хочу быть женщиной в полном понимании этого слова, хочу, чтобы обо мне заботились, хочу знать – если что-то случится, мужчина придет и все решит, всех победит. Хочу быть спокойной за свое будущее и за будущее своих детей. Простые женские желания, правда?

– Ну, допустим.

– Но современные мужчины, особенно моего возраста таковы, что это за них нужно все решать, это мне нужно время от времени всех побеждать, а им... черт, да я даже не знаю, что им нужно. Такое ощущение, что нет больше в мужчинах тестостерона. И вот появляется Кирилл. Да, намного меня старше, даже с этой своей заморочкой на детях и многочисленных женщинах. Поверь, мне тоже сначала это показалось диким, но вскоре я поняла, что такое его отношение – это проявление настоящей мужской силы. Ты знаешь, что для него самое главное, чтобы каждая его семья ни в чем не нуждалась, что он никогда даже не подступится к новой женщине, если будет не уверен, что сможет ее обеспечить?

– Ага, поведали мне уже о таком чудесном его свойстве, до сих пор отойти не могу, – хмыкнула я.

– Многие мужчины на такое способны? Можешь не отвечать, я тебе расскажу. Они не то, что не способны, они делают куда хуже, чем Кирилл. Девяносто девять процентов мужчин изменяют своим женам. Изменяют на протяжении всей жизни и во всех возрастах. Где обитает тот один процент настоящих и верных мужчин, мне не ведомо, да сейчас и не о них речь.

Соня поднялась на ноги, подошла к окну, сложила руки на груди и продолжила говорить стоя ко мне спиной и что-то разглядывая за окном.

– И эти свои измены они оправдывают чем зачастую? А тем, что они, видите ли, полигамны по природе, а против природы не попрешь. Семь из десяти браков распадается. Дети остаются без отцов, женщины без мужей и это реальность, это то, что происходит на самом деле. А Кирилл другой. Он, если поверить в эту теорию мужской полигамии, не просто оправдывается ею, он относится к этому со всей серьезностью, как настоящий мужчина. Да его женщины как сыр в масле катаются, разве не так? Он на каждой женился! Да, это сложно считать законным браком, но таковы наши законы. Кирилл живет же по своим, по человеческим и как может их соблюдает.

Она замолчала, словно задумалась. Парировать было сложно. Все, что у меня было в ответ, так это разговоры о чувствах, о том, что все принципы Кирилла – это такое же оправдание, как и у других. Просто у него есть деньги, много денег, а у многих их нет. Вот и вся разгадка его ответственности.

– Когда я узнала, что у Кирилла несколько семей, я тоже взбрыкнула по началу, – продолжила Соня, – но к тому времени я уже слишком сильно его любила, и мне хватило ума понять то, что он мне объяснил. Не знаю почему мне, в отличии, например, от тебя, он решил все рассказать. Может, потому что видел, что я пойму?

– Ты меня спрашиваешь? – меня уже начали раздражать эти ее риторические вопросы.

– Да, пришлось, пересмотреть свои убеждения, да это было непросто, но, когда получилось, я испытала самое большое облегчение в жизни и теперь только радуюсь, что Кирилл именно такой какой есть. И, возвращаясь к началу нашего разговора...

– Монолога ты хотела сказать, – перебила я ее.

– Или так, – она, наконец, отвернулась от окна и повернулась ко мне лицом, – откуда у меня такая покорность? Да вот отсюда, как видишь, – она положила руку на сердце. Ради такого мужчины, как Кирилл, я готова быть покорной, я готова делать то, что он говорит,

готова ко всему, что он скажет. Потому что уверенна в нем, потому что знаю, что он никогда меня не бросит, потому что знаю – наши с ним дети будут иметь блестящее будущее. Такому как Кирилл никто в подметки не годиться. Переживать из-за того, что ему не хватает одной женщины? Если учитывать все остальное, нужно быть полной дурой, чтобы за это переживать.

– Ну, просто исповедь, Соня. Удивительно сколько же у тебя всего намешено в голове. А такие как я и есть те самые дуры, по-твоему, да? – спросила я.

– Ты сама это сказала, – огрызнулась она. – А еще, Кирилл сказал, что ему будет хорошо, если мы с тобой подружимся. Так что даже не рассчитывай на скандал со мной. Не получится. Как бы я не относилась к тебе на самом деле, для Кирилла я буду тебя обожать всей душой. Как он скажет, так и будет.

Она подошла ко мне, и я машинально сделал шаг назад. «Не собирается же эта бестолочь со мной обниматься», – подумал я.

– Держи дистанцию, девочка, я твоих восторгов не разделяю. Ни по поводу Кирилла, ни по поводу этой твоей исповеди, – подытожила я наш разговор.

– Но, я смотрю, ты еще здесь, Даша. Много слов, а, что на самом деле? Ты же никуда не уходишь. Если ты такая принципиальная, почему ты еще здесь?

У меня неприятно кольнуло в груди. Соня попала в болевую точку. Что я могла на это сказать. Я и правда еще здесь. «Почему ты еще здесь, Даша? – спросила я сама себя, – только не говори, что эта девица права!».

Глава 8. Сломанная

Утро началось с того, что я сидела на кухне за чашкой кофе и мысленно проводила ревизию своей жизни.

Итак, что у меня есть и к чему я пришла к своим сорока годам. Университет я бросила и у меня только среднее образование. Значит – рассчитывать на какую-то более не менее нормальную работу, чтобы содержать себя и дочь я не могу. И даже не столько из-за образования, сколько оттого, что к сорока годам не имею никакого профессионального опыта.

Что я умею? А ничего я не умею. Все, чему я научилась в своей жизни – это быть хорошей женой и хорошей, как я думала, мамой, да и это оказалось не совсем так, учитывая, какие фортели выкидывает дочь.

Что у меня за душой, если не будет Кирилла. Ничего. Полный ноль. Ни своего жилья, ни средств к существованию. Все обеспечивает Кирилл. То есть, если к концу этой недели я приму решение уйти от него, я попросту окажусь на улице без средств к существованию.

Да, я могу поехать жить к маме. И, по всей видимости, поеду, но это, как по мне, еще хуже, чем жить в коробке из-под холодильника.

«Вот так, вот, Даша, – приговорила я себя мысленно, – вот, что ты на самом деле из себя представляешь – ноль без палочки».

Я глянула в приложении счет карты. И эта внушительная цифра ничего для меня не решала. Я не могу снять все деньги наличностью. Ограничение на снятие суточного лимита не позволит. И через кассу не снять, карта оформлена на Кирилла.

Боже, почему за все эти годы мне не пришлось в голову создать для себя какую-то подушку безопасности?

Но разве думает о таком счастливая любящая женщина? Ведь кажется, что любовь будет вечной, а слепая вера даже мысли о подобном не пропускает.

Я все же начала собираться, чтобы снять с карты хотя бы столько сколько выдаст банкомат. Нет, меня несколько не смущало, что я будто ворую деньги у Кирилла, хоть такая мысль и проскочила.

Банкомат выдал триста тысяч и уже через пять минут прилетело сообщение, что карта заблокирована. Я только усмехнулась. Быстро же Кирилл отреагировал. Оно и не удивительно.

Этих денег мне хватит только на питание, могу растянуть на несколько месяцев, если как следует поджаться, при условии, что я все-таки поеду жить к маме. Дочку придется жестко ограничить в тратах. Но, если честно, я все еще не верила, что Кирилл и у нее все заберет. Надеялась, что это только угроза, ладно я, учитывая, как он поступал со мной, и глазом не моргнет – обдерет меня как липку, но поступить так со своей дочерью. Нет, он не посмеет...

Словно в ответ на этот не заданный мною вопрос, в сумочке ожил телефон. Звонила Настя, и я почему-то сразу поняла по какому поводу.

– Мам! У меня карту заблокировали, что происходит? – по голосу я поняла, что Настя на грани истерики.

– Это папа, Настя, папа заблокировал, не переживай, у меня есть немного денег, – попыталась я ее успокоить.

– Не переживать? Мам, ты в своем уме? Почему он заблокировал мне карту? Я сейчас позвоню папе.

Она отбила звонок, а я невольно зажмурилась, представляя, что скажет ей Кирилл, и кто окажется по итогу виноват.

Сегодня выдался морозный день. Покусывало щеки, кончики пальцев мерзли даже в перчатках, и я впервые пожалела, что у меня нет машины. Да и водительских прав у меня нет.

Я хотела их получить когда-то давно, но Кирилл был против. Как и против того, чтобы я в принципе водила машину. Вроде как переживал и был не уверен, что я вообще справлюсь. Но что-то мне сейчас подсказывало, что дело было не в его переживаниях, а в чем-то другом.

Снова зазвонил телефон. Конечно, это звонила разъяренная Настя, которая тут же накинулась на меня:

– Ты с ума сошла? Что ты натворила? – Настя буквально орала.

– Так, голос не повышай, что я натворила?

– Папа сказал, что ты сняла деньги с карты, и он это расценивает как то, что ты приняла решение уйти. Это он заблокировал мне карту! Мам, звони ему срочно и говори, что ты никуда не уходишь!

– Послушай, дочь...

– Я ничего не хочу слушать! Ты, что решила меня со свету сжить? Как мы... как я жить буду? Что мне делать? Ладно о себе ты не думаешь, а обо мне? Я то в чем виновата, почему я должна расплачиваться за то, что у тебя мозгов не хватает взглянуть на ситуацию трезво? Звони папе!

Я слушала дочь и не знала, как реагировать на эту тираду. Не верилось, что она может себе позволить так со мной разговаривать. Будто я пустое место, словно я и мои чувства вообще ничего не значат.

Горло сдавило, к глазам подступили слезы. Мне будто стальной рукой сжали сердце и не отпускали.

– Настя...

– Ну, что Настя? Звони, говорю папе!

– Ты сейчас где? Я приеду и дам тебе немного денег... – я никак не могла проглотить застрявший в горле холодный ком.

– Немного? Немного это сколько, мам? Ну, что за бред. Ты же можешь решить этот вопрос быстро и безболезненно. Просто скажи папе... я не знаю, придумай что-нибудь, скажи, что сняла деньги зачем-то не потому, что решила уйти, да сделай ты уже что-нибудь в конце концов!

Она бросила трубку.

Я стояла на морозе будто оплеванная. Крутила в руках телефон, по щекам текли слезы и больше от того, что я уже знала, что сейчас сделаю, а не потому, что на меня наорала дочь.

Я тыкнула на номер Кирилла. Ответил он почти сразу:

– Слушаю тебя, Даша.

Голос у него был ровный, спокойный, он будто уже знал, что я скажу.

– Кирилл... я здесь деньги с карты сняла...

– Да я видел, – перебил он меня, – и?

– Я просто разнервничалась, я сейчас положу обратно.

– Хорошо, я сейчас разблокирую карту, – он тут же отбил звонок.

Я зашла обратно в банк, вставила карту в банкомат и нажала на экране кнопку «внести». Открылся купюроприемник, а я все не решалась опустить туда эти проклятые триста тысяч.

Ощущение было такое, что пока я держу эти деньги в руках, я все еще борюсь за себя, но стоит мне...

Крышка купюроприемника закрылась. Я уставилась в надпись «поднесите или вставьте карту». Так я и сделала.

Зашуршал купюрами банкомат. Проглотил деньги и со слезами на глазах я вышла из банка.

Телефон брякнул уведомлением.

«Спасибо, мама», – прочитала я сообщение от Насти.

Я смотрела на идиотский смайлик посылающий мне воздушный поцелуй и хотелось разбить к чертям телефон. Но, конечно, я не стала этого делать. Потому что даже этот телефон, по факту не мой. У меня нет ничего моего. Меня самой у меня нет, он сломал меня, Кирилл сломал меня окончательно.

Глава 9. Урок

В квартиру я вошла полная отчаянья. Я больше не чувствовала, что это мой дом. Ощущение было такое, будто теперь я живу в коммуналке. В коммунальном гареме моего мужа Кирилла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.